

Антипова Евгения Игоревна

соискатель, преподаватель кафедры
философии и культурологии

Челябинский государственный
институт культуры, Челябинск, Россия
директор

Муниципальное казенное учреждение
социального обслуживания
«Кризисный центр» города Челябинска,
Челябинск, Россия

E-mail: antipova_evgeniy@mail.ru

ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ЛИКИ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

Статья посвящена одному из актуальных вопросов культурологии — социальной ответственности, рассматриваемой в нескольких аспектах с учетом трансформации ценностной иерархии, смена приоритетов в которой имеет противоречивый характер. Автор проанализировал значение социальной ответственности в разрезе происходящих изменений в регулировании общественных отношений под влиянием «новой этики», «культуры отмены», культуры отношений в системе социального партнерства, охарактеризовал противоречивые черты социальной ответственности. Также в статье представлена модель социальной ответственности, сконструированная для целостного и всестороннего понимания феномена на основе принципа набора равносторонних треугольников.

Ключевые слова: социальная ответственность, культура, модель, культура социальной ответственности

Для цитирования: Антипова, Е. И. Противоречивые лики социальной ответственности: культурологические аспекты изучения / Е. И. Антипова // Вестник культуры и искусств. — 2025. — № 4 (84). — С. 103–116.

Antipova Evgeniya I.

*Applicant, Lecturer at the Department
of Philosophy and Cultural Studies*

*Chelyabinsk State Institute of Culture
and Arts, Chelyabinsk, Russia*

Managing director

*“Crisis center” Municipal State-owned
social service institution of Chelyabinsk,
Chelyabinsk, Russia*

E-mail: antipova_evgeniy@mail.ru

Contradictory Faces of Social Responsibility: Culturological Aspects of Studies

The article concentrates on one of the topical culturology issues namely the issue of social responsibility which is considered in several aspects taking into account the hierarchy of evaluation transformation and changes of priorities where its character is rather controversial. The author has analyzed the importance of social responsibility in the light of current changes in social relationships regulation under “the new ethics” and “abolition of culture” influence, corporate culture in social partnership system and has defined contradictory features of social

responsibility. The article also contains the model of social responsibilities created for holistic and comprehensive understanding of the phenomenon on the grounds of the principle of a set of equilateral triangles.

Keywords: social responsibility, culture, model, culture of social responsibility

For citing: Antipova E. I. 2025. Contradictory Faces of Social Responsibility: Culturological Aspects of Studies. *Vestnik kul'tury i iskusstva [Culture and Arts Herald]*. No 4 (84): 103–116. (In Russ.).

Введение

«Культура» и «ответственность» — эти понятия в отечественной культурологии отражают разные и в тоже время сопредельные плоскости урегулирования социальных взаимодействий.

В ранних обществах, удерживая субъектов от рискованных и неоправданных действий, ответственность была выражена как система запретов, нарушение которых влекло за собой наказание. Тем самым она была включена в ряды первых норм морального регулирования.

Глубинные, масштабные и продолжительные изменения социального бытия культуры трансформировали представления о нормах и ценностях в современном обществе. При этом смысловой квинтэссенцией системы ценностей остается социальная ответственность. Ученые относят ее к числу фундаментальных общечеловеческих ценностей, вокруг которой может консолидироваться общество [7; 8]. Так, исследования вопросов онтологизации современных теоретико-экономических моделей («человек экономический», «человек институциональный») показывают тенденции направленности целей субъектов хозяйственных отношений на максимизацию материальных благ, упрочение статуса в обществе. Однако данные агенты могут ставить не только экономические, но и творческо-созидательные задачи, ориентируясь не на этику успеха, а на этику ответственности [26, с. 8]. По словам В. Г. Федотовой, в области экономической науки назрела необходимость в разработке модели «человек ответственный».

Рассматривая вопрос перехода от модели технократического обучения и воспитания к гуманитарной модели, О. Н. Михайлова отмечает важность перехода от «человека деятельности» (*homo agens*) к «человеку ответственному» (*homo responsibilities*) [16, с. 126].

Более того, активно продвигается идея необходимости смены архетипа личности «чело-

век разумный» (*homo sapiens*) на «человек ответственный» (*homo responsibilities*) [10, с. 25].

В действующем законодательстве Российской Федерации отмечается важность формирования «социально ответственной личности, разделяющей традиционные духовно-нравственные ценности» [20–22].

Социальная ответственность может проявляться через отношение человека к самому себе, другим людям, предвосхищая собственное поведение и определяя характер осуществляющей деятельности. Заметим, что эта внутренняя сфера проявления ответственности личности, более «эффективна» как исконная объективная характеристика, чем внешняя сфера ее проявления, связанная с нормами наказаний и ограничений, как ответная реакция общества на поведение человека. Соответственно, проблемными являются вопросы регламентации, измерения социальной ответственности с учетом многогранности данного феномена.

Данный факт усложняется еще тем, что социальная ответственность, являясь историческим продуктом социокультурного развития личности и общества, находится в зоне трансформации ценностной иерархии, смена приоритетов в которой имеет противоречивый характер.

Социальная ответственность

в дискурсе «новой этики»

Оценка современных культурных процессов показывает, что наряду с продвижением идей ответственности наблюдаются происходящие в обществе изменения ценностных и поведенческих ориентиров. Планетарный охват компьютерной сети, интенсивность и скорость информационного обмена изменили форматы взаимоотношений людей, ускорилось появление и распространение новых стандартов поведения, в том числе так называемой «новой

этики», актуализировавшей и во многом обострившей проблемы социальной ответственности.

Проблемное поле «новой этики» охватывает обширную область исследования: различные аспекты поведения в интернет-пространстве, проблемы нейроэтики и биоэтики; канселинг или «культура отмены» (cancel culture); харассмент (борьба против сексуального насилия и домогательств — движение #MeToo), вопросы личных границ; защита прав и проявления расового («Black Lives Matter»), гендерного (сексизм), возрастного (эйджизм) неравенства, вопросы инклюзии; избыточность или недостаточность политкорректности; феминистские проявления в социально-экономической и этикетной сферах; «чувствительность» молодежи; особый кодекс экологического поведения.

Дискуссии о развитии этических представлений в изменяющейся среде актуализируют обсуждение вопросов развития культуры отношений, рациональных схем построения основ этических систем, важность которых, даже если они именуются «новыми», тем не менее, не разрешают ряд противоречий, которые сложились в рассматриваемой плоскости.

Первое противоречие — между запросом на развитие современных форм взаимодействия между человеком и обществом на основе отношений ответственности и недостаточным осмыслением методологических основ их развития.

Предметом этики как науки является общественное практическое поведение людей, а также нормы, обеспечивающие условие сплочения людей в обществе. Тогда как концепт «новая этика» рассматривается с многообразными ценностными коннотациями. «Новая этика» относится, в терминологии И. А. Тульпе, М. Ю. Смирнова, к числу «информационно насыщенных, разносторонних» понятий [25, с. 33]. А. А. Гусейнов указывает на его использование в разных контекстах: вектор общественных процессов в западном мире; шаг в развитии либерализма; опасная черта разрушения сложившихся моральных устоев современной цивилизации [5, с. 92].

В то же время, несмотря на дискуссионность и многоаспектность понятия «новая

этика», предпосылки к его рассмотрению сложились давно. Примером попытки перехода к новым моральным устоям может рассматриваться произведение Ф. Ницше «Так говорил Заратустра», в котором автор продвигал идеи о сверхчеловеке, смерти Бога, осмысливая общественные устои, а вместе идею о «новой этике».

В XX веке А. Д. Сахаров в работе «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» поднял вопросы свободы человека, угрозами для которой считал массовую культуру, идеологическую цензуру, свидетельствующие о «новой этике».

Согласно концепции Э. Нойманна, представленной после Второй мировой войны, «новая этика» основана на стремлении осознания позитивных и негативных сил в жизни человека [18]. Осмысливая исторический опыт и извлекая уроки из Холокоста как примера несостоительности этических систем, автор предложил психологический проект «новая этика» в духе глубинной психологии. Он рассуждал, что полярность добра и зла, отрицание зла заставляют человека отвергать собственные деструктивные силы. Но наличие у человека «тени» не позволяет укротить деструктивные силы, внутренне отяжеляя человека и разрушая «целостность» личности. Человек может проецировать свою «тень» на других людей, что приводит к дуальности мира. «Тень» осуществляет низшую деятельность. Поэтому, по мнению автора, человечеству нужна «новая этика», которая позволит, с одной стороны, примириться со своей «тенью», а с другой — принять ответственность за свои негативные качества.

Полагаем, философия «новой этики» заключается не в борьбе с «теневой личностью», в терминологии Э. Нойманна, подавляя в себе зло или вытесняя его, а в осуществлении выбора в различных жизненных ситуациях и умении нести ответственность за сделанный выбор, а также в защищенности от различного рода воздействий. Человек выстраивает отношения с окружающим миром таким образом, что он как разумное существо действует всегда целесообразно, обозначая свои планы, желания, принимая решения действовать. Он

выражает свое отношение к окружающему миру в разных формах, создает собственный целостный образ бытия, отвечает за него. Его исключительность, взгляды на те или иные явления приобретают индивидуально ответственный характер.

Второе противоречие заключается в популярности или двойственности мнений о «новой этике», что приводит к противоречивым измерениям социальной ответственности.

М. Эпштейн утверждает, что существующий в России концепт «новая этика» свидетельствует о необходимости нравственного обновления общества, и в то же время о существующей опасности подмены этики идеологией, которая легче внедряется в общественное сознание [29]. Этика и идеология отличаются векторами направленности: вектор этики направлен к совести, чувству вины. Вектор идеологии направлен к массе, коллективу, поэтому вместо совести — самосуд, остроклизм, политика отмены.

Также идею двойственности «новой этики» развил Е. А. Коваль в своей работе «Новая этика»: нормотворческие перспективы», выделив два направления дискуссии: первое — масштабная моральная паника, сконструированная в защиту традиционных ценностей, второе — проявление «революции в морали» [12].

Анализ отечественных и зарубежных публикаций позволил сформулировать следующие подходы к пониманию «новой этики»:

- 1) критический подход, заключающийся в рассмотрении «новой этики» как разностороннего, информационно и идеологически насыщенного концепта, маркера различных дискуссий сложного назначения в СМИ, интернет-пространстве;
- 2) контекстуальный подход: поскольку «новая этика» не изолирована от других составляющих культурных процессов и явлений, данный подход помогает анализировать, какие новые нормы жизнедеятельности вырабатываются в изменяющейся среде; востребованность изучения «новой этики» обусловлена внедрением новых технологий, нарастанием сложности процессов взаимодействия;

- 3) философско-ценностный подход: важны не столько внешние изменения в нравах, сколько развитие этических конструкций отношений между людьми. Представления о «новой» этике вскрывают глубинную ценностную основу жизнедеятельности человека. Осуществляется радикальный переворот морального взгляда на мир, который движется не от общего к частному, а от частного к общему. Современная дискуссия о «новой этике» зачастую выстраивается вокруг рейтингов, опросов, определения большинства или меньшинства при рассмотрении той или иной точки зрения. То есть речь идет об индивидуализации некоторых этических норм. Однако этика не привносится в жизнь человека извне, она присуща ему как разумному существу и проявляется в индивидуально ответственном отношении к миру. В этом заключается ее незаменимая роль в жизнедеятельности человека;
- 4) подход этической перспективы, заключающийся во включении меньшинств в общественное пространство с искоренением «меньшинства» как явления с негативным оттенком в нравственном сознании общества. Новая этическая перспектива заключается в усилении акцента на недопустимость расистских, колониальных, сексистских предрасудков в общественном поле, даже если речь идет об их слабых проявлениях и отдельных случаях;
- 5) узкоспециальный подход, используемый для анализа влияния «новой этики» на повседневные коммуникации и развитие разных профессий.

Основными признаками «новой этики» являются:

- информационная открытость;
- выраженность требований о недопустимости нарушения межличностных границ в особо концентрированной форме;
- повышение культурной восприимчивости общества к проблемам меньшинств, расовому притеснению и дру-

- гим вопросам, входящим в проблемное поле «новой этики»;
- нетерпимое отношение к любым формам насилия;
  - появление новых форм общения и деструктивного поведения, проявляющегося в коммуникации: «токсичное» поведение как неприятное для собеседника поведение; пассивная агрессия как уход от открытой конфронтации.

Ряд зарубежных и отечественных публикаций последних лет посвящен изучению смежных категорий, используемых для обозначения феномена «новая этика».

Так, например, в работах зарубежных авторов используется термин «компьютерная этика», определяемый как «новая этика» и связанный с цифровыми практиками. Б. Шталь, Г. Иден, М. Джиротка, М. Кекельберг в своей коллективной работе отмечают, что информационные технологии перестали быть узкоспециальной сферой деятельности, пронизывают все области жизни, этика в информационной среде имеет общезначимый характер и требует осмыслиения [31].

Рассматривая вопросы «новой этики» в аспекте межкультурной восприимчивости, М. Беннет ввел термин «межкультурная чувствительность», основал исследовательский институт для обучения, адаптации и оценки межкультурной компетентности [30]. Он говорит о формировании нового типа личности, сознательно интегрирующей элементы различных культур.

А. Ю. Демшина использует понятие «культурная чувствительность» («чувствительность компаний», «новая чувствительность», «чувствительность») [6]. Важным элементом ее проявления является искусство. Массовые проекты в литературе, в области авторского киноискусства, в сфере художественных практик становятся площадкой презентации «новой этики». Обращает на себя внимание явление сосредоточенности в данных проектах на вопросах личной жизни, индивидуальных переживаний, что актуализирует проблемы рационализации чувств, монетизации ощущений и эмоций, направленных «не в глубь и в вечность, а в успешность и удовлетворенность собой и окружающим миром здесь и сейчас».

Это, в свою очередь, указывает на то, что значим не столько смысл, сколько контекст употребления слов и образов.

А. Магун предлагает заменить термин «новая этика» на «новую моральную чувствительность» («новую моральную аллергию») [15], говоря о типе культуры, сочетающем индивидуализм и нетерпимость к чужому мнению, подчеркивая необходимость блокирования массовой моральной паники и приема только самого здравого в этой «этике».

Ряд ученых при обсуждении расширения стандартов вежливости в рамках «новой этики» предлагает использовать понятие «новый деловой этикет» [11; 24].

Анализ отечественных и зарубежных исследований, посвященных изучению понятия «новая этика», смежных категорий, используемых для обозначения данного феномена, а также систематизация подходов к рассматриваемому понятию указывают на необходимость операционализации понятия (см. таблицу).

Исходя из проведенного анализа понятий видно, что в основе «новой этики» лежит идея организации, регулирования отношений людей в новой социальной реальности.

Соответственно, разрешить вышеуказанные противоречия возможно посредством урегулирования указанных отношений через ракурс ответственности. Необходимым условием сохранения влияния нравственно-ценостных основ на различные организационные, технологические, коммуникационные и иные процессы в системе социальных отношений является развитие отношений между человеком и обществом на основе именно принципов социально-ответственного поведения.

Влияние «культуры отмены» на развитие социальной ответственности

В оценке применяемых в современном обществе инструментов выстраивания взаимоотношений людей особое место занимает проблема «культуры отмены» как одно из направлений «новой этики» в ее регуляторном измерении.

По мнению ученых, «культура отмены» представляет собой инструмент контро-

Операционализация понятия «новая этика»

Используемый термин	Определение термина	Ключевые характеристики термина
Новая этика	Совокупность представлений о пересмотре взаимоотношений людей, касающихся гендерной и сексуальной принадлежности, физической и интеллектуальной дееспособности, вопросов расы, этноса, религии (Н. Горшенина, Ю. Слуцкая, К. Тегаева, 2020)	Представления о сензитивном отношении к вопросам, которые связаны с различиями между людьми; пересмотр взаимоотношений людей
Новая этика	Способ организации межличностных отношений, описывая векторы их трансформации (И. А. Тульпе, М. Ю. Смирнов, 2022)	Способ организации отношений людей; трансформация отношений
Новая этика	Пересмотр правил и норм взаимоотношений во всех сферах жизни, пересмотр доминирующей и устоявшейся нормы (Е. Л. Омельченко, Н. Нартова, 2021)	Пересмотр взаимоотношений людей
Новая моральная чувствительность	Тип культуры, сочетающий индивидуализм и нетерпимость к чужому мнению, подчеркивая необходимость блокирования массовой моральной паники и приема только самого здравого в этой «этике» (А. Магун, 2021)	Тип культуры; сочетание индивидуального и коллективного
Компьютерная (информационная) этика	Область знания и система норм, направленная на изучение и регулирование этических аспектов социальной жизни, связанных с внедрением информационно-компьютерных технологий (Л. В. Баева, 2020)	Изучение и регулирование отношений «человек — человек», «человек — компьютер», «человек — информационное пространство»

ля поведения людей [3, с. 141]. Как атрибут цифровой эпохи, данное явление выступает новым инструментом взаимодействия людей, получения доступа к публичному дискурсу и приобретения собственной аудитории в сети Интернет. Однако наряду с предоставляемыми возможностями, происходят изменения в регулировании отношений «человек-человек» с ослаблением чувства ответственности и поднимаются серьезные вопросы владения обществом социально-культурным инструментом «мораль», издавна специально созданным для выстраивания отношений между людьми.

В центре дискуссии о «культуре отмены» («культуре исключения») — проблемы искусственно созданного публичного осуждения людей, социального давления на человека; безнаказанный «троллинг»; последствия применения «культуры отмены».

Согласно представлениям З. М. Муртузовой и З. Ф. Велиевой, «культура отмены» выступает как феномен исключения личности, группы людей из социальной, профессиональной жизни в ответ на их высказывания либо действия [17, с. 482]. С. В. Чугров говорит о данном явлении как о «стремлении отменить российскую культуру» [27, с. 91]. «Культура

отмены» является результатом не эволюции, а мутации, возникшей благодаря сопряжению идеологии универсальных ценностей «открытого общества» с прорывом в развитии коммуникационных технологий.

Е. М. Подрабинок рассматривает «культуру отмены» как реакцию на «асоциальное» поведение людей, то есть высказывания, поступки, которые не являются основанием для привлечения к юридической ответственности [23, с. 275]. Наряду с этим в последнее время встречаются ситуации, когда человек не ведет себя неправомерно или «асоциально», а практика отмены к нему, тем не менее, применяется и действует как форма остракизма, при котором лицо подвергается осуждению в социальных, в том числе профессиональных сообществах.

«Культура отмены» тесно связана с таким явлением как «новый тоталитаризм», рассматриваемый культурологами, социологами и другими специалистами смежных отраслей научного знания не как новая форма политического устройства, а как агрессивный способ давления на человека со стороны искусственно созданного общественного осуждения [13, с. 27]. «Культуру отмены» часто сравнивают с «культурой вызова», «культурой возмущения»,

отмечая тенденции публичного порицания и преследования [3, с. 139].

Понятие «культура отмены» связана с архетипическим термином «козел отпущения», закрепившимся в культурном контексте. Этот фразеологизм, возникший под влиянием ветхозаветного сюжета, символизирует человека, на которого возлагается ответственность за грехи и проступки других, становясь таким образом «без вины виноватым» или «крайним». В русской культуре образ «козла искупителя» имеет негативную окраску, выражющуюся в таких пословицах, как «пустить козла в огород», «как от козла молока», «нет проку».

В данном библеизме закодирована глубокая информация о переносе ответственности и избегании как личной, так и коллективной вины. Подчеркнем, что во французской культуре существует выражение «*souffre-douleur*», которое переводится как «жертва преследования» или «мишень для насмешек». В отличие от негативной коннотации, присущей русскому фразеологизму, семантическая структура этого образа во французском языке акцентирует внимание на несправедливое отношение к субъекту действия со стороны социальных или политических структур. Здесь подчеркивается не столько вина жертвы, сколько ее страдание от произвела внешних сил [28, с. 205]. Несмотря на русский перевод чешского фразеологизма «*obětní beránek*» в двух вариантах («невинная жертва», «жертвенный агнец», «козел отпущения»), он лишен нравственных противоречий. Его употребление подчеркивает важность того, кто пострадал вместо другого человека [19, с. 449].

В основе «культуры отмены» лежит практика «отмены» людей из-за их мнений, действий, идущих вразрез с позицией сторонников «культуры отмены», приводящих к общественному резонансу и влекущих к потере репутации, профессии и иным личным потерям «отмененного».

Анализ исследований «культуры отмены» позволяет выделить следующие основные характеристики данного феномена:

- форма нового острокизма, негативной социальной санкции, давления на человека, социального, профессионального бойкота [17, с. 483];

- мощный инструмент идеологической борьбы с любым оппонентом;
- технология переформатирования ценностной парадигмы [17, с. 483].
- способ реагирования на друзей, знакомых, знаменитых людей, чье поведение оскорбляет;
- неумение прощать;
- «безрассудный самосуд» [3, с. 140].

Политика «отмены» может применяться как к конкретным личностям, так и затрагивать произведения искусства, литературы, в целом историческое прошлое, государство. Соответственно, формами применения «культуры отмены» могут быть следующие явления:

- публичное осуждение, а именно бойкотирование, травля, массовое возмущение и другое (например, негативная реакция на высказывания телеведущей Р. Тодоренко о проблеме домашнего насилия; режиссера К. Ю. Богомолова в продвижении идеи «новой идеологии»);
- жесткая общественная цензура, то есть «выключение» человека из публичного пространства, как следствие предыдущей формы применения «культуры отмены»; основным способом применения являются средства массовой информации;
- отказ от договоров, заключенных о продаже товаров, оказании услуг, с теми, кого «отменили» (например, от рекламных контрактов, договоров кинокомпаний);
- влияние на литературный процесс: художественная ценность произведения не может быть рассмотрена без комплексного подхода к анализу произведений, в отрыве от биографии автора, условий написания произведения;
- «аннулирование» исторического прошлого, политиков, деятелей культуры;
- «отмена» государств (жесткие санкционные режимы воздействия) в связи с различными политическими, социально-экономическими вызовами.

Соответственно, функционирование «культуры отмены» носит противоречивый характер. Во-первых, процесс «отмены» стро-

ится на домыслах, подмене понятий, представлениях о частных жизненных ситуациях и недоказанных обвинениях, которые никого не оскорбляют, а просто не соответствуют дискурсу. Во-вторых, «отменяющие» представляют себя в роли арбитров, выполняя функции наказания, тем самым устанавливая «новые» этические, социальные нормы и способы их реализации. При этом их ответственность в вопросах определения общественных норм отсутствует.

Использование форм применения «культуры отмены» имеет серьезные последствия: для «отменяемых» лиц в виде окончания их профессиональной деятельности, гражданско-правовых последствий имущественного характера (убытки в форме реального ущерба и (или) упущеной выгоды), причиненного морального вреда; на общественном уровне происходит нарушение общепринятых правил поведения.

Вопрос «культуры отмены» затрагивает тему умаления человеческого достоинства личности, а именно причинение морального вреда в виде негативных эмоций, обиды, переживаний нравственных страданий «отмененного» лица.

При массовой «отмене» лиц умаление и унижение человеческого достоинства проявляется в осознании того, что личность не имеет никакой значимости в обществе [23, с. 279]. В таком случае это означает отрицание обществом ответственности. Потому как ответственность — это не внешняя зависимость личности от каких-либо норм, а добровольно принятый на себя внутренний долг каждого. Более того, по мнению ученых, быть социально ответственным — значит быть достойным членом общества [14, с. 272].

Осмысливая слово «достоинство» в тесной связи с «ответственностью» — «до-стование» / «до-стоять», обращает на себя внимание приставка «до», указывая на природу социальной ответственности, отождествляемой не с зависимостями, наказаниями, а с ценностными ориентирами, формулируемыми в качестве основных мотивов поведения человека.

Таким образом, проблема социальной ответственности особенно обострилась в условиях появления «культуры отмены». В обществе,

с одной стороны, поднимается вопрос развития ценностных, поведенческих ориентиров, а, с другой стороны, поддерживающие условия для их кардинального переформатирования. Имеет актуальность осознание смысла жизни человека и его творческо-созидающей деятельности, понимание каждым индивидом своей ответственности за построение мира, осуществляя такие шаги как достойно жить самому, заботиться о людях, всем живом.

В духе корпоративной социальной ответственности

Социальная ответственность выступает одним из основных регуляторов системы социального партнерства в триаде «бизнес-общество-государство».

В связи с технологической, цифровой трансформацией изменяется культура отношений между работодателями и работниками, организациями и потребителями услуг, товаров. Созданный международный альянс человекоцентрических организаций в 2023 году на Петербургском международном экономическом форуме только подчеркнул тенденцию развития новой культуры отношений, в основе которой лежат идеи корпоративной социальной ответственности, человекоцентричности.

Российские бизнес-структуры являются движущей силой в вопросах социально-экономической деятельности для своих работников, членов их семей, потребителей товаров, услуг, организаций — партнеров, кредитно-финансовых учреждений, органов власти разных уровней, будущих работников — выпускников образовательных организаций. Некоммерческие организации разного профиля являются существенной функциональной конструкцией для создания благополучного социального климата в обществе. При выстраивании таких разнообразных цепочек социальных связей наблюдается большой спектр социально-экономических, культурных проблем, ограничений, поводов для конфликтов интересов, требующих консолидации усилий всех участников отношений, проявления у них культуры ответственного взаимодействия. Поэтому на повестку выносится широкий круг вопросов, затрагивающий различные интересы, ценно-

сти, прежде всего, вопросы ответственности.

Обратим внимание, что социальная ответственность в России давно была признана важным признаком хозяйственной деятельности, о чем свидетельствуют протоколы Всероссийских торгово-промышленных съездов, но до сих пор отсутствует законодательное определение понятия социальной ответственности. Также, несмотря на всестороннее обсуждение столь актуального вопроса, в кругах представителей бизнеса, некоммерческих организаций нет единого понимания рассматриваемого термина.

Статья 2 Гражданского кодекса Российской Федерации содержит определение предпринимательской деятельности с признаками ее самостоятельности, инициативности, инновационности, рискованности и законности [4]. Отмечается, что данная деятельность регулируется нормами гражданского права, в том числе статьей 24 «Имущественная ответственность гражданина». При этом нет ни слова о социальной ответственности предпринимателя.

Тогда как для описания социальной ответственности корпораций (бизнеса / некоммерческих организаций) используются термины «корпоративная социальная ответственность», «социально ответственное поведение бизнеса», «ответственный бизнес», «корпоративные социальные возможности».

Традиционно при упоминании корпоративной социальной ответственности подразумевается, что крупные организации по своей природе имеют социальные обременения и обязаны участвовать в общественном развитии.

Конвенциально «корпоративная социальная ответственность» — это защита прав человека, защита окружающей среды, охрана труда, деловая этика, инвестирование в развитие местных сообществ, филантропия [1, с. 336]. Все это охватывает значительный круг вопросов и возможностей приложения усилий организациями в деле развития конструктивных отношений бизнеса, общества и государства.

В настоящее время применяется такой термин как «корпоративная социальная ответственность облегчённого типа» к тем организациям, которые делают достаточно, чтобы их

не называли неответственными, но не настолько, чтобы их считали передовыми в сфере практик социального участия [9, с. 218]. По данным зарубежных специалистов, благотворительность, спонсорская помощь не рассматриваются в мировой практике как приоритетные направления корпоративной социальной ответственности. Более значимыми направлениями деятельности являются выстраивание продуктивных взаимоотношений с местным сообществом, экологическая ответственность, внедрение ресурсосберегающих технологий. При этом, как утверждает Г. Н. Ильина, практики российского бизнеса нельзя назвать «корпоративной социальной ответственностью облегчённого типа». Результаты исследования, проводимого ученым в 2004 году на предприятиях Нижневолжского региона, показали, что ранее большинство корпораций реализовывали социальные проекты преимущественно с рекламными целями, использовали различные социальные программы, занимались благотворительной деятельностью для создания благоприятного имиджа у населения и властных структур, позднее подходы к корпоративной социальной ответственности претерпели некоторые изменения. Этому способствовали выход на международные рынки, развитие практики отчетности в области корпоративной социальной ответственности.

Исследуя особенности корпоративной социальной ответственности, полагаем, что сложности с толкованием данного понятия, а соответственно определением ее роли в вопросах формирования культуры социальной ответственности в целом:

- возникают из-за отказа обратиться при исследовании к методологическим основам социальной ответственности;
- обусловлены особенностями социокультурной среды, уровнем зрелости общества;
- зависят от понимания социально-ориентированной деятельности организации всеми заинтересованными сторонами, от вовлечения коллективов организаций в практику социального участия.

Модель социальной ответственности

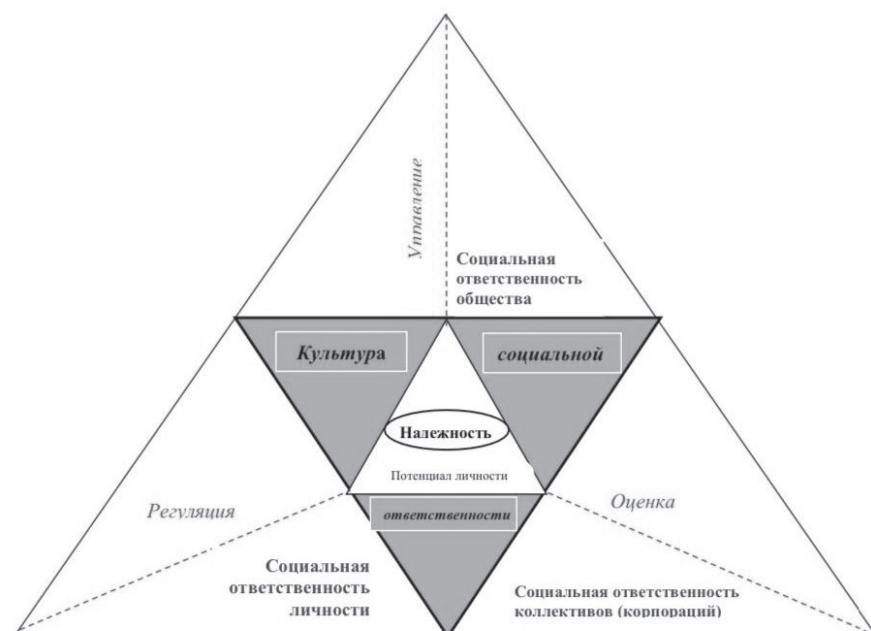
Для разрешения выявленных противоречий необходимо обратиться к комплексному рассмотрению понятия социальной ответственности — модели социальной ответственности, выступающей, с одной стороны, исследовательской рамкой для определения стратегии развития социальной ответственности, с другой стороны конструктом для тактических действий в вопросах снижения рисков в обществе и надежности развития социальных отношений (см. рисунок).

Согласно разработанной модели социальной ответственности определены три модуса для создания целостного и всестороннего представления о социальной ответственности одновременно: «социальная ответственность личности», «социальная ответственность коллективов (корпораций)», «социальная ответственность общества» [2]:

- «социальная ответственность личности» как готовность решать вопросы ответственности в их конкретном содержании; человек, преследуя собственные цели и обладая возможностью выбора, осуществляет те или иные действия в соответствии с объективными процессами, имеющими социально значимый характер. Связующей

осью данного модуса с другими модусами модели является «ценостно-нормативная регуляция», то есть создание устойчивого развития;

- «социальная ответственность коллективов (корпораций)» как параметр оценки взаимоотношений людей в процессе деятельности организаций. Связующей осью данного модуса с другими модусами модели является «ценостно-нормативная оценка». Данная ось пересечения определяет процесс выстраивания и упорядочивания взаимоотношений людей во время осуществления совместной деятельности, производя их оценку, управляя различными рисками (репутационными, правовыми и др.), а также обеспечивает стабилизацию деятельности через ответственность;
- «социальная ответственность общества», в основе которой лежит идея планирования, организации и регулирования отношений людей в новой социальной реальности. Связующей осью данного модуса с другими модусами модели является «ценостно-нормативное управление». Управление представляет собой неотъемлемую

Модель социальной ответственности

часть человеческой деятельности и возникает там, где необходимо согласование совместных действий. Данная ось пересечения определяет следование за стратегией развития общества, стратегией развития культурной политики, круг ценностей, имеющих главенствующее значение для развития личности, функционирования коллективов, организаций и общества в целом.

Социальную ответственность воспрещено обезличивать или размывать ее границы в пространстве социальных связей. Она присуща как каждому человеку, так и коллективам организаций, обществу в целом.

Данная модель представляет собой единое методологическое пространство, в котором имеется философское обоснование социальной ответственности и для целостного и всестороннего представления одновременно указаны ее проявления на разных уровнях функционирования — личности, коллективов, общества, и раскрываются связи между ними.

Выводы

Социальная ответственность общества выступает инструментом управления и условием жизнеспособности общества.

Для снижения разногласий в сфере социокультурных коммуникаций, соблюдения норм, обеспечивающих условия консолидации общества, сохранения и развития достижений отечественной культуры необходимо более детальное осмысление представления о сущности и содержании социальной ответственности. Решение противоречий видится во внедрении представленной модели социальной ответственности и продвижение следующих идей:

- преимущества темы ответственности в вопросах анализа общественного практического поведения людей;
- приоритет ответственности в вопросах определения норм, обеспечивающих условие сплочения людей в обществе, надежность развития социальных отношений;
- публичность процесса формирования ценности ответственности.

Данное исследование не исчерпывает всех аспектов рассматриваемой проблемы многогранного понятия «социальная ответственность», напротив, открывает такие направления научных изысканий как формирование культуры социальной ответственности, измерение социальной ответственности, стратегии развития социальной ответственности личности.

Список литературы

1. Абрамов, Р. Н. Корпоративная социальная ответственность как пример организационного изоморфизма в условиях глобализации / Р. Н. Абрамов // Журнал исследований социальной политики. — 2005. — Т. 3. — № 3. — С. 327–346.
2. Антипова, Е. И. Культура социальной ответственности как экзистенциальная основа развития личности / Е.И. Антипова // Ценности и смыслы. — 2025. — № 4 (98). — С. 137-152.
3. Воробьева, М. В. К вопросу о «культуре отмены» / М. В. Воробьева // Тенденции развития науки и образования. — 2023. — № 99-2. — С. 137–141.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации // С3 РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
5. Гусейнов, А. А. Что нового в «новой этике»? / А. А. Гусейнов // Ведомости прикладной этики. — 2021. — № 58. — С. 91–106.
6. Демшина, А. Ю. Новая чувствительность и экономика событий / А. Ю. Демшина // Общество. Среда. Развитие. — 2022. — № 3 (64). — С. 104–109.
7. Дрожжина, С. В. Феномен ответственности как базовой жизнесохраняющей ценности: социально-философский анализ / С. В. Дрожжина // Социально-гуманитарные знания. — 2023. — № 10. — С. 65–70.
8. Ергазина, А. А. Социальная ответственность студента как ценностно-педагогическое явление и феномен / А. А. Ергазина // Научное мнение. — 2016. — № 11. — С. 72–76.

9. Ильина, Г. Н. Социальная ответственность российского бизнеса: стратегии и инновации / Г. Н. Ильина // Вестник МГИМО-Университета. — 2014. — № 1 (34). — С. 216–224.
10. Йонас, Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации; Наука как персональный опыт : монография / Г. Йонас ; пер. с нем. — Москва : Абрис-пресс, 2004. — 479 с.
11. Карпова, Г. Г. Государственное управление и общественные приоритеты в сфере культурной политики России / Г. Г. Карпова // Журнал исследований социальной политики. — 2009. — Т. 7. — № 1. — С. 7–20.
12. Коваль, Е. А. «Новая этика»: нормотворческие перспективы / Е. А. Коваль, А. А. Сычев // Мир человека: нормативное измерение — 7.0. Проблема обоснования норм в различных перспективах: от реализма до конструктивизма и трансцендентализма : сборник трудов международной научной конференции, Саратов, 07–09 июня 2021 года. — Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2021. — С. 335–344.
13. Кранк, Э. О. «Культура отмены» и «новая этика» / Э. О. Кранк // Культура и искусство: традиции и современность : материалы IX международной научно-практической конференции, 25 февраля 2021 г. — Чебоксары : Издательство Плакат, 2021. — С. 27–33.
14. Культура социальной ответственности: теория и практика : монография / под ред. К. П. Стожко. — Екатеринбург : Уральский институт бизнеса, 2009. — 530 с.
15. Магун, А. Откуда взялась «новая этика»? И насколько она левая и тоталитарная / А. Магун /// Мировой кризис — хроника и комментарии. — 2021, 31 декабря. — URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/3983420> (дата обращения: 25.08.2025).
16. Михайлова, О. Н. Проблема ответственности в контексте формирования социальной компетентности личности / О. Н. Михайлова // Евразийский союз ученых. — 2016. — № 5-2 (26). — С. 125–126.
17. Муртузова, З. М. Культура отмены: история и современность / З. М. Муртузова, З. Ф. Велиев // Неделя науки–2023 : сборник материалов 44 итоговой научно-технической конференции преподавателей, сотрудников, аспирантов и студентов ДГТУ. — Махачкала : Дагестанский государственный технический университет, 2023. — С. 482–483.
18. Нойманн, Э. Глубинная психология и новая этика : монография / Э. Нойманн ; пер. с англ. Ю. Донца. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2008.
19. Норман, Б. Ю. Сопоставительная славянская фразеология и паремиология: краеугольные камни и камни преткновения / Б. Ю. Норман // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2020. — Т. 17. — № 3. — С. 446–456.
20. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Российской Федерации // С3 РФ. — 2020. — № 30. — Ст. 4884.
21. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации // С3 РФ. — 2021. — № 27 (ч. 11). — Ст. 5351.
22. Об утверждении основ государственной культурной политики : Указ Президента Российской Федерации // С3 РФ. — 2014. — № 52 (часть 1). — Ст. 7753.
23. Подрабинок, Е. М. «Культура отмены» и достоинство личности / Е. М. Подрабинок // Пермский юридический альманах. — 2023. — № 6. — С. 271–282.
24. Сосновская, Н. А. Изменяющиеся представления о нравственности: обзор концепций «новой этики» / Н. А. Сосновская // Весці БДПУ. Серыя 2. Гісторыя. Філасофія. Палітология. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. — 2022. — № 1 (111). — С. 54–59.
25. Тульпе, И. А. «Новая этика» как социальный диагноз / И. А. Тульпе, М. Ю. Смирнов // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6. — № 1. — С. 30–38.
26. Человек в экономике и других социальных средах : кол. моногр. / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; отв. ред. В. Г. Федотова. — Москва : ИФРАН, 2008. — 195 с.

27. Чугров, С. В. Культура отмены в мировой политике: историко-философские корни / С. В. Чугров // Полис. Политические исследования. — 2022. — № 5. — С. 88–98.
28. Эйснер, С. Н. Сопоставление семантики некоторых фразеологических единиц библейского происхождения во французском и русском языках / С. Н. Эйснер // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2018. — № 2 (791). — С. 202–209.
29. Эпштейн, Э. Новая этика или старая идеология? / Э. Эпштейн // Знамя. — 2021. — № 8. — URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=8042> (дата обращения: 25.08.2025)
30. Bennett, M. J. Basic concepts of intercultural communication: paradigms, principles & practices / M. J. Bennett. — Boston, London : Intercultural Press, an imprint of Nicholas Brealey Publ., 2013. — 348 p.
31. Stahl, B. C. From computer ethics to responsible research and innovation in ICT: The transition of reference discourses informing ethics-related research in information systems / B. C. Stahl, G. Eden, M. Jirotka и M. Coeckelbergh // Information & Management. — 2014. — Vol. 51, № 6. — P. 810–818.

Получено 03.09.2025

References

1. Abramov R. N. 2005. Corporate social responsibility as an example of organizational isomorphism in the conditions of globalization. *Zhurnal issledovanii social'noy politiki [The Journal of Social Policy Studies]*. Vol. 3, No 3: 327–346. (In Russ.).
2. Antipova E. I. 2025. Culture of social responsibility as existential personality basis. *Tsennosti i smysly [Values and Meanings]*. No 4 (98): 137–152. (In Russ.).
3. Vorobyeva M. V. 2023. On the question of “cancel culture”. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya [Tendencies of science and education development]*. No 99-2: 137–141. (In Russ.).
4. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii [Civil Code of the Russian Federation]. 1994. No 32. Rule. 3301. (In Russ.).
5. Guseinov A. A. 2021. What's new in the new ethics? *Vedomosti prikladnoy etiki [The Journal of Applied Ethics]*. No 58: 91–106. (In Russ.).
6. Demshina A. Yu. 2022. New sensibility and event economics. *Obshhestvo. Sreda. Razvitiye [Society. Environment. Development]*. No 3 (64): 104–109. (In Russ.).
7. Drozhzhina S. V. 2023. The phenomenon of responsibility as basic life-supporting value: social and philosophical analysis. *Sotsialnye-gumanitarnye znaniya [Social and Humanitarian Knowledge]*. No 10: 65–70. (In Russ.).
8. Ergazina A. A. 2016. Social responsibility of a student as value-based and pedagogical phenomenon. *Nauchnoe mnenie [Scientific Opinion]*. No 11: 72–76. (In Russ.).
9. Ilyina G. N. 2014. Social responsibility in Russian business: strategies and innovations. *Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations]*. No 1 (34): 216–224. (In Russ.).
10. Yonas G. 2004. Princip otvetstvennosti. Opyt jetiki dlja tehnologicheskoy civilizacii; Nauka kak personal'nyi opty [Responsibility principle. Ethics experience for technological civilisation. Science as personal experience]. Moscow: Abris-Press. 479 p. (In Russ.).
11. Karpova G. G. 2009. National administration and public priorities inside Russian cultural politics. *Zhurnal issledovanii social'noy politiki [The Journal of Social politics studies]*. Vol. 7. No 1: 7–20. (In Russ.).
12. Koval E. A. 2021. «The new ethics»: policy-making perspectives. *Mir cheloveka: normativnoe izmerenie – 7.0. Problema obosnovaniya norm v razlichnyh perspektivah: ot realizma do konstruktivizma i transcendentalizma [Human world: Normative dimension – 7.0 Problem of justification of norms in various prospects: from realism to constructivism and a transcendentalism]*. Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya Pp. 335–344. (In Russ.).
13. Krank E. O. 2021. «Cancel culture» and «new ethics». *Kul'tura i iskusstvo: tradicii i sovremennost' [Culture and Art: traditions and modernity]*. Cheboksary: Plakat Publishing House. Pp. (In Russ.).

14. Kultura sotsialnoy otvetstvennosti: teoriya i praktika [Social responsibility culture: theory and practice]. 2009. Ekaterinburg. 530 p. (In Russ.).
15. Magun A. 2021. Where is “new ethics” from? How leftist and totalitarian is it? *Mirovoy krizis – khronika i kommentarii* [World crisis: chronicles and comments]. Available from: <http://worldcrisis.ru/crisis/3983420> (accessed: 25.08.2025). (In Russ.).
16. Mikhailova O. N. 2016. The problem of responsibility in the context of developing social competence of a person. *Evraziyskiy soyuz uchenyh* [Eurasian union of scientists]. No 5-2 (26): 125–126. (In Russ.).
17. Murtuzova Z. M., Veliev Z. F. 2023. Cancel culture: the past and the present. *Nedelya nauki – 2023* [The week of science – 2023]. Makhachkala: Dagestan State Technological University. Pp. 482–483. (In Russ.).
18. Neumann E. 2008. Glubinnaya psikhologiya i novaya etika [Depth psychology and a new ethic]. Saint-Petersburg: Azbuka-Klassika. (In Russ.).
19. Norman B. Yu. 2020. Comparative slavic phraseology and paramiology: milestones and stumbling stones. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Vestnik of Saint-Petersburg University. Language and literature]. Vol. 17. No 3: 446–456. (In Russ.).
20. O natsionalnykh tselyakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda [On the national aims of development of the Russian Federation until 2030]. 2020. No 30 (part 1). Rule 4884. (In Russ.).
21. O strategii natsionalnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii [On the strategy of national security of the Russian Federation]. 2021. No 27 (part 11). Rule 5351. (In Russ.).
22. Ob utverzhdenii osnov gosudarstvennoy kulturnoy politiki [On setting the bases of the state cultural policy]. 2014. No 52 (part 1). Rule 7753. (In Russ.).
23. Podrabinok E. M. 2023. “Cancel culture” and personal dignity. *Permsky yuridichesky almanakh* [Perm Legal Almanac]. No 6: 271–282. (In Russ.).
24. Sosnovskaya N. A. 2022. Changing perceptions of public morals: review of new ethic concepts. *Vesti BDPU. Serya 2. Istorya. Filosofiya. Politologiya. Sotsiologiya. Ekonomika. Kulturologiya* [The news of BSPU. Series 2. History. Philosophy. Politology. Sociology. Economics. Culturology]. No 1 (111): 54–59. (In Russ.).
25. Tulpe I. A., Smirnov M. Yu. 2022. «New ethics» as a social diagnosis. *Konsept: filosofiya, religiya, kultura* [The Concept: philosophy, religion, culture]. Vol. 6. No 1: 30–38. (In Russ.).
26. Chelovek v ekonomike i drugikh sotsialnykh sredakh [Human being in economics and other social settings]. 2008. Russian Academy of Sciences. The Institut of Philosophy. Moscow: IFRAN. 195 p. (In Russ.).
27. Chugrov S. V. 2022. Cancel culture in international politics: historical and philosophical roots. *Polis. Polticheskie issledovaniya* [Polis. Political Investigation]. No 5: 88–98. (In Russ.).
28. Eisner S. N. 2018. The comparison of semantics of some phraseological units of biblical origin in Russian and in French. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Moscow State Linguistic University Bulletin. Humanities]. No 2: 202–209. (In Russ.).
29. Epstein E. 2021. New ethics or old ideology? *Znamya* [The Banner]. No 8. Available from: <https://znamlit.ru/publication.php?id=8042> (accessed: 25.08.2025) (In Russ.).
30. Bennett M. J. 2013. Basic concepts of intercultural communication: paradigms, principles & practices. Boston, London: Intercultural Press, an imprint of Nicholas Brealey Publ. 348 p
31. Stahl B. C. 2014. From computer ethics to responsible research and innovation in ICT: The transition of reference discourses informing ethics-related research in information systems. *Information & Management*. Vol. 51, No 6: 810–818

Received 03.09.2025